

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ ГЕРОДОТА*

«Историк и время» – такая постановка вопроса выглядит вполне естественной. И действительно, ведь именно история является той научной дисциплиной, которая изучает события и процессы, развертывающиеся во времени. Но как понималось само время в различные периоды существования и развития историографии? И, в частности, как понималось оно в древнегреческой исторической науке? Последний вопрос представляется особенно важным. Во-первых, потому, что именно в античной Элладе, как известно, историческая наука родилась. Во-вторых, потому, что мы, сегодняшние историки, считаем себя (во многом справедливо) преемниками и продолжателями великих мастеров древнегреческого историописания, но в то же время прекрасно осознаем, как сильно мы от них отличаемся по целому ряду ключевых параметров. Так ли мы «видим» время, как «видели» его первые служители Клио?

При этом в антиковедении не столь уж и часто поднимается эта серьезная проблема – восприятие времени представителями античной историографии. А если ее и поднимают, и пытаются решить, то зачастую это происходит в довольно эссеистичной форме¹: высказываются те или иные суждения и выводы, порой весьма интересные и яркие, но при этом в достаточной мере произвольные, умозрительные и не имеющие обязательной силы. Многие тезисы такого рода просто недоказуемы, но, к стати, именно поэтому их точно так же практически невозможно и опровергнуть.

Некая ущербность практикуемых подходов к интересующей нас здесь тематике проистекает, насколько можно судить, из того факта, что не предпринимается скрупулезный терминологический анализ рассматриваемых текстов. А ведь, по большому счету, полноценно понять, как воспринимал время тот или иной античный историк (да и не только историк, а вообще тот или иной античный автор), можно лишь после того, как будут с исчерпывающей полнотой, то есть репрезентативно (а не выборочно) выявлены и исследованы случаи употребления данным автором терминологии, связанной со временем. Необходимо изучить контексты этой терминологии, ее частотность (в различных аспектах: частоту появления различных терминов по отношению друг к другу, в различных типах и элементах нарратива) и т. д.

Предлагаемая здесь задача представляется перспективным проектом, но в полной своей совокупности, применительно ко всем хотя бы древнегреческим историкам такой проект, разумеется, настолько грандиозен, что его выполнение потребовало бы многолетних усилий и, очевидно, целого коллектива ученых. Мы же в рамках настоящей статьи лишь попытаемся – весьма кратко, в чем-то даже конспективно – наметить в самом первом приближении способы работы, предполагаемые

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект 07-01-00050а).

¹ Как, например, в классических статьях А. Момильяно «Время в античной историографии» (*Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 178–204*) и П. Видаль-Накэ «Время богов и время людей» (*Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 69–90*).

этим подходом, обозначить его специфику, – одним словом, если так можно выразиться, заложить несколько «пробных кирпичиков» в фундамент будущего здания. Рассмотрению подвергнется временная терминология у «отца истории» – Геродота. Подобный выбор кажется вполне оправданным и закономерным: уж если заниматься восприятием времени историками Древней Греции, то с кого же начать, как не с первого из этих историков, труд которого дошел полностью? У Геродота, разумеется, были предшественники – Гекатей и ряд других авторов (будем по сложившейся традиции называть их логографами, хотя у нас нет полной уверенности в том, что это название корректно²), – но от их сочинений дошли лишь очень незначительные фрагменты, к тому же часто представляющие собой не дословные цитаты, а пересказы более поздних писателей, и все это вместе взятое чрезвычайно затрудняет изучение аутентичной терминологии времени в этих текстах, а строго говоря – делает такое изучение почти невозможным.

Совсем другое дело – Геродот. Перед нами его «История», именно в том виде, в каком она была оставлена автором³, – обширный труд, очень подходящее поле для проведения задуманного нами терминологического анализа, причем, кажется, такой анализ еще не предпринимался⁴.

«Три лика времени». Прежде всего, о каких терминах пойдет речь? Всем, кто хотя бы элементарно знаком с древнегреческим языком (и даже многим из тех, кто с ним вообще не знаком) прекрасно известно, что основным термином для обозначения времени является χρόνος. Основным, но не единственным! Наряду с ним существовали еще два: καιρός и αἰών, как совершенно справедливо указывается в лучших этимологических словарях – у Фриска⁵ и Шантрайна⁶.

² Подробнее об этом см. наши работы: Суриков И.Е. «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151; он же. ЛОГОГРАΦΟΙ в труде Фукидида (I.21.1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37.

³ Незначительные искажения в текст, несомненно, все-таки попадали в ходе эволюции рукописной традиции. Так, считается, что кем-то из переписчиков были переставлены местами несколько глав в «египетском логосе» (книга II). Но эти искажения, повторим, очень незначительны, для наших целей irrelevantны и не могут породить превратную картину в плане терминологического анализа. Что же касается «ассирийского логоса», несколько раз упомянутого Геродотом (I.184; ср.: I.106), но отсутствующего в тексте «Истории», мы придерживаемся мнения, что этот «логос» вообще не существовал: историк планировал написать его, но не захотел или не смог воплотить в жизнь это намерение. Ведь труд Геродота остался незавершенным: см. очень убедительную аргументацию в статье М.А. Гаспарова «Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота» (в кн.: Гаспаров М.А. Избранные труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997. С. 483–489). Этот последний факт для нас, безусловно, прискорбен, но тут уже поделать ничего нельзя, и отталкиваться придется от того, что Геродот успел написать.

⁴ Мы надеялись найти что-то подобное в фундаментальной, весьма претенциозной монографии: Hunter V. Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982. Но книга оказалась посвящена совсем другим вопросам. Специально подчеркнем, что мы не будем здесь заниматься изучением геродотовской хронологии (см. последнюю работу по этому сюжету: Rhodes P.J. Herodotean Chronology Revisited // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 58–72). Нас интересуют предметы более общего порядка.

⁵ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. 2. S. 1122, s.v. χρόνος: «Andere Wörter für 'Zeit' sind das ebenfalls unklare καιρός und das altererbte αἰών». Цитаты из словарей здесь и далее приводим на языках оригинала, поскольку нам необходима полная терминологическая точность.

⁶ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. P., 1968. P. 1277, s.v. χρόνος: «s'oppose à καιρός qui est l'instant précis et marque une limite, et à αἰών qui est l'éternité».

Полными синонимами три указанных слова не являются; у каждого из них есть достаточно четко очерченное и ограниченное семантическое поле (в каких-то случаях более, в каких-то менее широкое), и эти семантические поля пересекаются лишь частично. *Χρόνος* действительно встречается в источниках значительно чаще, чем две остальные лексемы вместе взятые. *Χρόνος* – это, бесспорно, самый общий и широкий по значению термин для обозначения времени; в наибольшей степени коррелирует он и с соответствующим русским словом «время». Собственно, нередко словари (особенно те, которые дают не слишком уж детализированную информацию) ограничиваются одним-единственным переводом: *χρόνος* – время. Так, в частности, у Вейсмана⁷.

Но так ли все просто? Здесь не помешает задуматься о том, что даже и мы, говоря «время», не всегда имеем в виду одно и то же. Строго говоря, всякий раз мы употребляем это существительное в одном из двух значений: либо в смысле «некий промежуток времени», либо в смысле «момент времени, некая точка во времени». Чтобы пояснить этот тезис, приведем две условные речевые ситуации: а) «Сколько времени имярек пробыл на этом месте? – Семь часов»; б) «В какое время имярек прибыл на место? – В семь часов». Ясно, что в этих двух случаях речь идет о нескольких разных вещах. В русском языке слово «время» вполне уместно в обеих ситуациях. А как обстоит дело в древнегреческом? В частности, что можно сказать в данной связи о пресловутом *χρόνος*?

Лучший из существующий на сегодняшний день словарей – LSJ – посвящает лексеме *χρόνος* довольно обширную статью⁸. Начинается она, естественно, с наиболее общих значений слова: *time, time in the abstract*. Но затем следует важное уточнение: в качестве главного из специальных значений существительного *χρόνος* указывается *a definite time, period*. Иными словами, речь идет именно о промежутке времени. Отсюда – ряд вторичных, конкретизирующих значений: *year, season or portion of the year, lifetime, age*⁹ и даже – необходимо это особо подчеркнуть – *delay, linger*. *Χρόνος*, таким образом, может выражать идею отсрочки, задержки, промедления; здесь ясно видна семантика некой длительности, протяженности, равно как и в важнейших дериватах от *χρόνος* – глаголе *χρονίζω* «медлить, мешкать, задерживаться», прилагательном *χρόνιος* «долгий, долго существующий, долговременный».

Абсолютно те же характеристики лексемы *χρόνος* встречаем в словарях Фриска и Шантрена. Для Фриска *χρόνος* – это прежде всего (*bestimmte*) *Zeitdauer, Zeitverlauf, Zeit*, т.е. перед нами опять та же идея длительности, протяженности, «линейности». Правда, далее Фрииск дает еще и такие значения для *χρόνος*: *Lebenszeit, Zeitgrenze*. Первое из этих двух значений, как мы увидим ниже, коррелирует скорее с *αἰών*, второе – скорее с *καιρός*. Но тут дело, думается, еще и в том, что *χρόνος*, как самый

⁷ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания 1899 г. М., 1991. Ст. 1354, s.v. *χρόνος*: иных переводов, кроме «время», не дается, далее в словарной статье объясняется только ряд идиом, включающих слово *χρόνος*.

⁸ LSJ. P. 2008–2009.

⁹ В этом значении *χρόνος* более всего приближается к *αἰών*. О соотношении *χρόνος* и *αἰών*, *χρόνος* и *καιρός* подробнее см. ниже.

широкий и распространенный термин для обозначения времени, вбирал в себя элементы значений своих ближайших (но неполных) синонимов¹⁰.

Для Шантрена, как мы уже отмечали выше, χρόνος у противостоит καιρός, понимаемый этим исследователем как точный момент, маркирующий некий предел, рубеж. Χρόνος же, как отмечает Шантрен, *est en outre divisible, donc mesurable. Χρόνος désigne usuellement le temps qui s'écoule, une durée définie, tout laps de temps, le temps historique*. Отсюда употребление термина χρόνος в грамматических и музыкально-ритмических контекстах. Главный вывод, таким образом, остается прежним и может быть повторен: χρόνος – это не просто «время» или, во всяком случае, не только «время» в абстрактном, недифференцированном значении. Это нечто текущее, длящееся, протяженное. Это – промежуток времени, «линейное время».

Обратимся теперь к термину καιρός. Здесь нас подстерегает больше сложностей. И прежде всего потому, что данная лексема употребляется не только во временном смысле. И даже, если верить составителям словарей, преимущественно не во временном. Ибо словарные статьи, посвященные существительному καιρός, открываются обычно такими определениями, как «надлежащая мера»¹¹, *due measure, proportion, fitness, the distinction, the point*¹², *rechtes Maß*¹³, *le point juste qui touche au but, l'à propos, la convenance, l'avantage, ce qui est opportun*¹⁴. Однако в словарях всегда отмечаются (пусть на втором или даже на третьем месте) также и те аспекты значения καιρός, которые связаны со временем. Может быть, эти аспекты и вторичны с точки зрения исторического развития семантики слова (этот вопрос сам по себе отнюдь нельзя считать однозначно решенным, но нас он здесь совершенно не касается), но вот по частоте употребления именно они, пожалуй, стоят на первом месте¹⁵. Во всяком случае, они и только они будут нас интересовать в рамках данной статьи.

Какие же «темпоральные» значения даются для καιρός? Типично в данном случае указание Вейсмана: «надлежащее, удобное время, удобный случай», и только после этого – «вообщ[ще] время, обстоятельство». Не иначе у Шантрена: *l'occasion favorable, bon moment, bonne saison*, и только в качестве более позднего значения – просто *saison, temps*¹⁶. Шире и нейтральнее взят круг значений у Фриска: (*rechter, entscheidender*) *Zeitpunkt, (günstige) Gelegenheit, Jahreszeit, Zeit*. Наиболее подробно и точно, как всегда, в LSJ: *exact or critical time, season, opportunity, critical times, periodic states, generally, time, period, the times, i. e. the state of affairs*¹⁷.

¹⁰ Именно поэтому мы и в LSJ встречаем для χρόνος, помимо прочих, и такие значения, как *date, term*. Они имеются, но мы сказали бы, что для χρόνος они не вполне специфичны, возможно, даже вторичны.

¹¹ Вейсман А.Д. Указ. соч. Ст. 650, s.v. καιρός.

¹² LSJ. P. 859, s.v. καιρός.

¹³ Frisk H. Op. cit. Bd. 1. S. 755, s.v. καιρός.

¹⁴ Chantraine P. Op. cit. P. 480, s.v. καιρός.

¹⁵ Что и оговаривается в некоторых словарях: временные значения термина καιρός даются с пометками «обыкновенно» (Вейсман), *more frequently* (LSJ).

¹⁶ Здесь обнаруживаем у Шантрена даже противоречие с тем, что он же сам говорит s.v. χρόνος, противопоставляя оттенки значения χρόνος и καιρός более точно и специфично для обоих терминов (см. выше).

¹⁷ LSJ дает еще значение *profit*, но не столь давно было показано, что это неверно и данный термин такого значения в действительности не имел (*Wilson J.R. Kairos as 'Profit' // CQ. 1981. Vol. 31. № 2. P. 418–420*).

У нас создается впечатление, что во всех перечисленных случаях, во-первых, не вполне верно сделан семантический акцент¹⁸ (почему, собственно, именно «удобное, надлежащее, благоприятное» время?), во-вторых, в недостаточной степени продемонстрирована специфика *καιρός* по сравнению с *χρόνος* (там, где мы встречаем такие расплывчатые определения, как «время», *temps*, *Zeit*, *time*). В чем же заключается эта специфика?

Выше мы отметили, что *χρόνος* – это «линейное время», выражающее идею некой длительности, протяженности. В связи с этим необходимо отметить: в *καιρός* главное – то, что помечено цитируемыми авторами как *Zeitpunkt*, *moment*, *exact... time*. Тут уже не идет речь о длительности и протяженности. Перед нами именно точный, конкретный момент. Это не промежуток времени, а «точка во времени» или, если позволить себе, может быть, чрезмерно современное выражение, «квант времени»¹⁹. Итак, если *χρόνος* – «линейное время», то *καιρός* – «точечное время»²⁰.

Лучше всего различие между *χρόνος* и *καιρός* бросается в глаза, когда мы встречаем эти два термина в одном пассаже, где они неизбежно оказываются противопоставлены друг другу. Характерен, в частности, пример в одной из речей, входящих в корпус Демосфена (LIX.35)²¹. Рассказывая о некоем событии из жизни обвиняемой (о ее бегстве из Афин в Мегары), автор речи датирует это событие следующим образом: ἦν δὲ ὁ χρόνος οὗτος ᾧ Ἀστέϊος μὲν ἦν ἄρχων Ἀθῆνῃσιν, ὁ καιρὸς δ' ἐν ᾧ ἔπολεμείθ' ἡμεῖς πρὸς Λακεδαιμονίοις τὸν ὑστερον πόλεμον. Здесь есть и *χρόνος*, и *καιρός*, причем в грамматической конструкции противопоставления (δέ – μέν – δέ).

Обратим внимание на словоупотребление в весьма точном и литературно безупречном переводе В.Г. Боруховича²²: «Это был год, когда архонтом в Афинах был Астий, как раз то время, когда вы вели в по-

¹⁸ В наибольшей степени у Шантрена, в наименьшей – у Фриска, который осторожно ставит *rechter*, *entscheidender*, *günstige* в скобки.

¹⁹ Впрочем, чрезмерно современным тут будет именно разве что выражение, но не суть. Понятие «квант» в античности, разумеется, было неизвестно. Однако возможность или невозможность квантования пространства – одна из самых важных проблем, ставившихся и решавшихся натурфилософами позднеархаической и раннеклассической эпох. Достаточно вспомнить известные парадоксы элеатов и две альтернативные попытки выхода из тупика, порожденного этими апориями (Анаксагор и Демокрит), – выдвигание концепций, имеющих определенное внешнее сходство (поэтому учение Анаксагора иногда считают одной из разновидностей атомизма), но по существу полярно противоположные друг другу: «настоящие» атомисты признают квантование, Анаксагор же его отрицает. (Заметим в скобках, что с появлением квантовой теории нам в целом стала гораздо понятнее проблематика досократовской философии). Речь шла о квантовании пространства; что же касается квантования времени, то оно, насколько можно судить, не становилось предметом специальных дискуссий и воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Собственно, Ахилл в апории Зенона Элейского именно потому не может догнать черепаху, что пространство у Зенона не квантуется, а время квантуется.

²⁰ Необходимо оговорить: сопоставляя *χρόνος* и *καιρός* (а позже – *χρόνος* и *αἰών*), мы не затрагиваем вопроса об этимологии этих слов. По этому последнему вопросу Фриск и Шантрен находятся в полном согласии между собой: этимология *καιρός* весьма спорна, допускаются разные варианты его происхождения (от *κείρω*, *κερίννυμι*, *κίρω* или *κρίνω*), ни в одном из которых нельзя быть вполне уверенным. Этимология *χρόνος*, судя по всему, вообще не подлежит восстановлению. Совсем иначе с *αἰών*: тут налицо древний индоевропейский корень, проявляющийся, например, в лат. *aevum* со схожим значением.

²¹ Эта речь («Против Неэры»), несомненно, не принадлежит самому Демосфену, но датируется его временем.

²² В издании: *Демосфен*. Речи. В 3 т. / Отв. ред. Е.С. Голубовцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М., 1994. Т. 2. С. 284.

следний раз войну против лакедемонян» (курсив наш. – И. С.). Переводчик смог чрезвычайно удачно разрешить сложность, возникающую в связи с передачей на русском языке понятий χρόνος и καιρός. Ведь нельзя же было в обоих случаях перевести «время!» Пропала бы ситуация противопоставления. В результате χρόνος здесь понят как «год», и это верно: ведь мы уже отмечали, что χρόνος – временной промежуток, и в данном случае, несомненно, именно годичный, коль скоро указан эпонимный архонт. А καιρός – конкретный момент внутри этого временного промежутка, момент бегства Неэры. И поэтому в переводе совершенно правомерно появляется уточняющее выражение «как раз то время».

Если таково соотношение χρόνος и καιρός, то какое место в данном терминологическом ряду занимает αἰών? Обратимся теперь к рассмотрению этой лексемы, при определении которой в каждом лексиконе более или менее важное место занимают значения «век», «вечность»²³. Как это понимать? Прежде всего совершенно ясно, что здесь не имеется в виду век в наиболее привычном для нас смысле «столетие». Может быть, вечность как бесконечность, беспредельность во времени? Похоже, именно так воспринимают это авторы современных словарей. Но мы позволим себе усомниться в верности подобных толкований.

Не желая подробно углубляться в данную проблематику (поскольку это увело бы нас слишком далеко от основного предмета статьи), отметим лишь: греческое мироощущение отвергало идею бесконечности, беспредельности как таковую. Это достаточно ясно в отношении пространственном (космос воспринимался ограниченной, определенной и даже симметричной пространственной структурой, что исключает беспредельность), но не иным было и отношение ко времени. Ведь, по справедливому замечанию С.С. Аверинцева²⁴, «внутри “космоса” даже время дано в модусе пространственности». Иными словами, оно также ограничено, определено и симметрично (ср. учение о вечном возвращении).

Строго говоря, понятие бесконечного времени было невозможно уже потому, что подлинная бесконечность предполагает отсутствие пределов, так сказать, с обеих сторон, – отсутствие не только конца, но и начала. А в древнегреческой мысли, как известно, представлялись имеющими начало, возникновение и мир, и боги, которые в остальном определялись как вечные. Если это и бесконечность, то какая-то односторонняя бесконечность. Здесь есть определенная непоследовательность, которая впоследствии не ускользнула от внимания христианских богословов, упрекавших в этой непоследовательности античных мыслителей (что имеет начало, то должно иметь и конец).

Но, может быть, αἰών – это не абсолютная, а относительная вечность, некий неопределенно-долгий промежуток времени? Иными словами, он имеет лишь количественное, а не качественное отличие от χρόνος'a – тоже промежутка времени, но более краткого²⁵? Такой аспект

²³ Вейсман прямо и начинает со значения «век»: Вейсман А.Д. Указ. соч. Ст. 37, s.v. αἰών. В других словарях не столь категорично. Разумеется, и в них присутствуют такие значения, как *eternity*, *age* (LSJ. P. 45, s.v. αἰών), *Ewigkeit* (Frisk H. Op. cit. Bd. 1. S. 49, s.v. αἰών), *éternité* (Chantraine P. Op. cit. P. 42–43, s.v. αἰών), но не на первом, а то и на последнем месте.

²⁴ Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 36.

²⁵ Такое понимание встречаем у некоторых христианских авторов, например, у Оригена, который различает понятия «относительно-вечный» (αἰώνιος) и «абсолютно-вечный»

семантики лексемы αἰών тоже отмечается в словарях: LSJ – *long space of time*, Фриск – *lange Zeit*, Шантрэн – *durée, vie durable et éternelle*. Однако сплошь и рядом αἰών прилагается к не столь уж длительным временным отрезкам, например, к сроку чьей-либо жизни (именно такие словоупотребления мы встретим у Геродота).

Похоже, что не в длительности дело. Прочитаем *in extenso* пассаж, в котором наиболее развернуто сопоставлены и противопоставлены αἰών и χρόνος. Это отрывок из платоновского «Тимея» (37d sqq.): «Он (Демиург. – И. С.) замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности (αἰώνος); устроив небо, он вместе с тем творит для вечности (αἰώνος), пребывающей в едином, вечный же (αἰώνιον) образ, движущийся от числа к числу, который мы называли временем (χρόνον). Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это – части времени (χρόνου), а “было” и “будет” суть виды возникшего времени (χρόνου), и, перенося их на вечную (ἀίδιον) сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она “была”, “есть” и “будет”, но, если рассудить правильно, ей подобает одно только “есть”, между тем как “было” и “будет” приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени (ἐν χρόνῳ), ибо и то и другое суть движения. Но тому, что вечно (ἀεί) пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться со временем (διὰ χρόνου) старше или моложе, либо стать таким когда-то, теперь или в будущем, либо вообще претерпевать что бы то ни было из того, чем возникновение наделило несущиеся и данные в ощущении вещи. Нет, все это – виды времени, подражающего вечности (χρόνου ...αἰῶνα μιμουμένου) и бегущего по кругу согласно законам числа... Итак, время (χρόνος) возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная (διαωρίας) природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность (πάντα αἰῶνα), между тем как отображение возникло, есть и будет в продолжение целокупного времени (τὸν ἅπαντα χρόνον). Такими были замысел и творение бога относительно рождения времени (χρόνου); и вот, чтобы время (χρόνος) родилось из разума и мысли бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени (ἀριθμῶν χρόνου)...» (перевод С.С. Аверинцева, курсив наш. – И. С.).

Итак, разница между αἰών и χρόνος заключается отнюдь не в том, что первое более длительно, чем второе. В цитированном месте специально отмечается, что оба они вечны, но только χρόνος подвижен и подвержен делению, в отличие от неподвижного и неделимого αἰών (что, в частности, выражается и в такой тонкости словоупотребления, как соотнесение αἰών с прилагательным πᾶς, а χρόνος – с прилагательным ἅπας). Впрочем, последнее смело можем считать частным философским мнением Платона. Вряд ли в обычном греческом мировоззрении противопоставление именно в этом аспекте имело принципиальное значение.

Так в чем же специфика лексемы αἰών? Возьмем на себя смелость выдвинуть следующий тезис. Интересующая нас специфика кроется в

(ἀίδιος). Об этом аспекте учения Оригена см.: Карсавин А.П. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М., 1994. С. 67 сл.

том оттенке значения термина, который словари передают как *period of existence, lifetime, one's life* (LSJ), *Leben(szeit)* (Фриск), *force vitale, vie* (Шантрэн)²⁶. Иными словами, αἰών – это не просто абстрактное время; оно обязательно соотносено с какой-то жизнью, с каким-то существованием. Это время, так сказать, наполненное и существующее только в таком качестве.

В связи со сказанным представляется весьма значимым, что уже позже, в эпоху эллинизма, когда греки познакомились с восточным восприятием пространства и времени и когда переводилась с языка оригинала Септуагинта, именно аналогом αἰών был передан 'wlm²⁷ – древнееврейский термин для обозначения мира, постигаемого во временном модусе, мира-времени, «мира как истории»²⁸. Такой перевод, представляющийся в общем-то не самым очевидным, породил очень серьезные импликации в духовной культуре последующих эпох. Достаточно вспомнить хотя бы об «эонах» гностиков, которые по сути своей являются одновременно «веками» и мирами.

В какой-то степени αἰών – это время на стыке с пространством. Это некое предвосхищение открытого значительно позже пространственно-временного континуума, причем с акцентом скорее на время, чем на пространство²⁹. Разовьем и дополним предложенную выше базовую метафору. Καίρος (конкретный момент) – «время-точка» и тем самым время без измерений. Χρόνος (временной промежуток) – «время-линия», одномерное время. Αἰών (временной промежуток, соотношенное с жизнью и *eo ipso* с пространством) очень удачно вписывается в этот ряд в качестве третьего (и последнего) недостающего звена. Это – «время-плоскость», двумерное время, в котором в качестве второго измерения выступает соотношенность с пространственным аспектом бытия.

Χρόνος и производные в труде Геродота. Столь подробный экскурс в общие проблемы древнегреческой терминологии времени показался нам уместным потому, что он может пригодиться не только в данный момент, но и на будущее, послужить методологической основой для анализа соответствующей проблематики на материале не только труда Геродота, но и произведений других авторов, а в перспективе, – возможно, для построения каких-то парадигм общего характера. Но пока перед нами более узкая задача, и теперь нам предстоит обратиться непосредственно к «отцу истории».

Сразу бросается в глаза, что из трех охарактеризованных выше терминов, обозначающих время, в сочинении Геродота решительно преобладает χρόνος. Он просто-таки подавляет два остальных. Достаточно привести данные самого простого подсчета³⁰. Χρόνος и производные от

²⁶ Шантрэн даже считает, что изначальным значением термина αἰών было именно *force vitale, vie*, откуда произошел переход к *durée d'une vie*, и уже отсюда – просто к *generation, durée*.

²⁷ Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 69, прим. 59.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ В связи с идеей континуума обратим внимание, например, на то, что автор одной из последних работ по интересующей нас здесь проблематике (*Cobet J. The Organization of Time in the Histories // Brill's Companion to Herodotus / Ed. by E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees. Leiden, Boston, Köln, 2002. P. 387 ff.*) часто применяет к времени пространственные категории (*spatium historicum* и т. п.). В этой работе употребляется, кстати, и сам термин «континуум».

³⁰ Поиск и подсчет производились с помощью поисковой системы TLG.

него на протяжении «Истории» встречаются 298 раз, в то время как *καιρός* и его производные – 13 раз (да и то не всегда в строго-временном смысле), *αἰών* и производные от него – только 5 раз³¹. Цифры просто несопоставимы!

A priori невозможно сказать, означает ли это какую-то специфику языка Геродота и можно ли на основе этого делать какие-то ответственные выводы о его отношении к времени. Более того, опасаемся, что даже и после исчерпывающего контекстуального анализа соответствующих словоупотреблений окончательное и безусловное суждение такого рода будет крайне затруднено: необходим сравнительный материал.

Во всяком случае, несомненно: дело здесь, помимо всего прочего, еще и в том, что из трех перечисленных понятий только *χρόνος* и именно он является основным, самым распространенным, а также и самым широким термином, чаще двух других способным принимать наиболее общие значения. Это подчеркивается, в частности, тем, что лексема *χρόνος* у Геродота весьма часто встречается в составе устойчивых оборотов: *τοῦτον τὸν χρόνον* или *τὸν χρόνον τοῦτον* или *τὸν χρόνον ἐκεῖνον* или *τὸν αὐτὸν τοῦτον χρόνον* или *τὸν αὐτὸν χρόνον τοῦτον* (Hdt. I.1, 29, 59, 65, 68, 73, 75, 77, 79, 183, 191; II.25, 52, 128; III.57, 104, 148; IV.135, 144, 145, 147, 152, 162, 163; V.30, 44, 58, 83; VI. 22, 27, 51, 86, 89, 127 – 2 раза, 137; VII.59, 151, 208; VIII.65; IX.7, 37), *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον* или *κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον* или *κατ' αὐτὸν τοῦτον τὸν χρόνον* или *κατὰ τὸν αὐτὸν τοῦτον χρόνον* или *κατὰ χρόνον κεῖνον* (Hdt. I.12, 82, 171; III.48, 131; V.28, 82), *ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ* или *ἐν τῷ αὐτῷ χρόνῳ τούτῳ* (Hdt. I.36; II.142; III.150; IV.8, 98, 133; V.108; VII.167, 178; VIII.8, 114; IX.8, 56, 61, 112), *ἀπὸ τοῦτου τοῦ χρόνου* (Hdt. I.68, 82; II.52, 108; IV.98; VI.117), *τοῦ αὐτοῦ χρόνου* (Hdt. II.47; V.36), *ἐκ τοῦτου τοῦ χρόνου* или *ἐξ ἐκεῖνου τοῦ χρόνου* (Hdt. VI.42; VII.59; IX.26, 107), *ὑπ' αὐτὸν τὸν χρόνον τοῦτον* (Hdt. VII.165).

В большей части указанных мест *χρόνος*, несомненно, означает временной промежуток. Впрочем, есть также и случаи, в которых эта лексема может быть понята и как маркирующая точку во времени (а иногда она только так и может быть понята, в частности, с предлогами *ἐκ/ἐξ* и *ἀπὸ*). Но таких примеров – незначительное меньшинство. В любом случае, все это, повторим, устойчивые обороты, то есть не специфические, не характерно геродотовские словоупотребления. Гораздо больше нас будет интересовать появление термина *χρόνος* в оригинальных авторских конструкциях. Мы с удовольствием подробно разобрали бы здесь все релевантные пассажи, но прекрасно понимаем, что в рамках статьи это невозможно. Придется ограничиться характеристикой нескольких наиболее показательных примеров, а в большинстве случаев привести просто перечни соответствующих мест, пусть они и могут показаться читателю скучноватыми.

Χρόνος встречается уже в самой первой фразе «Истории» (I. prooem.)³²: «Это – изложение исследования (ιστορίας)³³ Геродота из Га-

³¹ Специально отметим, что мы учитывали не только сами основные лексемы, но и их дериваты (количество последних, впрочем, настолько незначительно, что ими можно было бы и пренебречь без сколько-нибудь существенных последствий для результатов исследования).

³² О значении этой первой фразы см.: Bakker E.J. The Making of History: Herodotus' *historiēs apodexis* // Brill's Companion to Herodotus. P. 3 ff.

ликарнасса³⁴, чтобы деяния людей не были стерты временем (τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γένηται)³⁵. Как видим, время (χρόνος) представлено здесь в модусе протяженности, выступающей как его главное качество. Причем это «пустая протяженность»: время никак не соотносено с человеческими деяниями; более того, оно противостоит им, угрожает им. Χρόνος – чуждая, уничтожающая стихия, и задача историка заключается именно в том, чтобы противостоять ему, помешать ему сделать свое дело. История выступает как своего рода средство борьбы со временем³⁶. Перед нами – исходная установка Геродота, если угодно, его методологический принцип, который он акцентирует в самом начале своего труда.

Рассказывая о дарах лидийского царя Креза в Дельфы и об ответных почестях со стороны дельфийцев (I.54), Геродот отмечает, что не только лично Крезу, но и всем лидийцам эти почести (промантия, ателия, проэдриа³⁷ и даже право каждому желающему стать дельфийским гражданином) были предоставлены «на вечные времена» (ἐς τὸν αἰεὶ χρόνον). Данное место лишний раз напоминает аргументированный нами уже выше тезис: различие между χρόνος и αἰών проходит отнюдь не по линии «время – вечность». Время-χρόνος вполне могло быть вечным, во всяком случае, могло так восприниматься (ср. выше, у Платона). Весьма схожую конструкцию имеем в другом месте (IV.201), причем тоже, похоже, восходящем к официальному источнику: персы, заключая договор о перемирии с жителями Барки (греческий полис в Киренаике), обещали «хранить клятву все время (χρόνον μένειν αἰεὶ τὸ ὄρκιον), пока земля сохраняет свой прежний вид». Приведем еще один аналогичный пассаж (VIII.28): Тимоксин, военачальник из Скионы, был уличен в измене, но на военном совете решено было не оглашать этот факт, «чтобы скионян не считали предателями всегда в последующее время (ἐς τὸν μετέπειτα χρόνον αἰεὶ)». Во всех перечисленных контекстах αἰεὶ, насколько можно судить, означает именно «всегда, бесконечно во времени», а не «постоянно, непрерывно».

Геродотовский χρόνος разделяет с платоновским и другую принципиальную черту – делимость: он дробится на отдельные отрезки разной протяженности. Так, встречаем мы у Геродота упоминания о τρίετα καὶ τετράετα ...χρόνον (I.199), ο διέτης χρόνος (II.2). Не случайно -χρόνος очень часто сопровождается такими эпитетами, как πολὺς или οὐ πολὺς (I.8, 24, 60, 171, 199, 214; II.52, 58, 110, 133, 152, 154, 157, 175; III.28, 31, 36, 57,

³³ Термин «история», разумеется, употребляется Геродотом еще в своем первичном, «ионийском» смысле – не как «повествование о прошлом», а скорее как «исследование», «расследование», в каком-то смысле даже «следствие». Ср.: Wees H. van. Herodotus and the Past // Brill's Companion to Herodotus. P. 322.

³⁴ Или «из Фурий», если опираться на те рукописи, которыми располагал Аристотель (*Rhet.* 1409a28).

³⁵ В интересах максимальной терминологической точности мы даем собственный перевод цитируемых пассажей из «Истории» Геродота.

³⁶ Ср.: Momigliano A. Op. cit. P. 191.

³⁷ Т.е. право внеочередного вопрошения оракула, свободу от податей и почетные места (вероятно, на Пифийских играх). Как неоднократно отмечалось в историографии (например: Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота Л., 1957. С. 28; Глушкина Л.М. Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 47; Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 242; Суриков И.Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 60), здесь Геродот, несомненно, цитирует официальный документ, к которому он получил доступ в Дельфах. Тем больше значение этой цитаты.

123, 124 – 2 раза, 126, 129; IV.1, 9, 114, 130, 146, 152, 201; V.16, 21, 28, 41, 48, 106, 115, 119; VI.29, 52, 69, 86, 113; VII.15, 33, 49, 119, 137, 154, 170; VIII.68, 114, 129, 142; IX.10, 62, 70, 101, 111), ὀλίγος или οὐκ ὀλίγος (I.132, 160; II.125; III.39, 55, 130, 133, 134; V.46; VI.63; VII.14; VIII.4; IX.16), μακρός (I.32, 81; III.22; V.9), συχνός (I.190; V.94; VI.83; VII.134; VIII.52; IX.67, 102, 119), λοιπός или ἐπίλοιπος (I.47; II.13), ὕστερος (I.130; III.149; IV.166; V.32; VI.66; VII.190; IX.83)³⁸, πρότερος (V.41), ἴσος (III.30). Таким образом, время может быть «большим» или «небольшим», «малым» или «немалым», «долгим», «протяженным», «оставшимся», «последующим», «предыдущим», «равным». Соответственно, мы встречаем в «Истории» производные от χρόνος прилагательные ὀλιγοχρόνιος (I.38), πολυχρόνιος (I.55).

С другой стороны, есть и отличие: если у Платона с χρόνος соотносено прилагательное ἅπας, а с αἰών – πᾶς, то у Геродота с χρόνος употребляются как ἅπας, так и πᾶς, причем πᾶς значительно чаще (Hdt. I.85; II.13, 25, 173; III. 75, 150; IV.187; V.108; VI.52, 123; VIII.100, 140 – 2 раза; IX.13, 27, 73, 106; ἅπας – III.65).

Даже без всяких прилагательных, само по себе слово χρόνος у Геродота содержит идею временной протяженности. Так, ἐς χρόνον (VII.29; IX.89) следует понимать в данном контексте не столько как «со временем» (и уж точно не как «вовремя»), сколько как «впредь, в будущем». Равным образом χρόνῳ, μετὰ χρόνον или ἀνὰ χρόνον означает «через некоторое время» и, собственно, даже может переводиться просто «потом, впоследствии» (I.68, 80, 173, 176; II.52, 57, 121, 151; III.1, 13; IV.78; V.27, 77; VI.129; VII.6, 10, 153, 170; VIII.53, 107; IX.62); ἐπὶ χρόνον – «в продолжение некоторого времени» (I.116; IX.22), ὑπὸ χρόνον – «от времени», т.е. «под воздействием длительного времени» (II.131; VII.176). Отгенок протяженности во времени, как мы уже отмечали выше, имеет производный глагол χρονίζω (III.61).

Представляет интерес, какие глаголы встречаются у Геродота в сочетании с χρόνος. Что может делать время? Среди этих глаголов – ἐξήκω «проходить, истекать» (II.111; VI.69), διέρχομαι или διεξέρχομαι «проходить» (I.8; II.52, 152; IV.146; V.41; VI.86; IX.16), πρόσειμι «подходить» (II.41), πρόειμι «подвигаться вперед» (III.96; VI.64; VII.197; VIII.105; IX.109), παροίχομαι «проходить, миновать» (II.14), προβαίνω «проходить, идти» (III.53, 140; V.58), γίγνομαι, ἐγγίγνομαι, ἐπιγίγνομαι «происходить, проходить» (I.28, 73, 190; II.175; V.92; VI.113), διαφύομαι «прорастать» (I.61), проαισισιόομαι «истрачиваться» (II.11), ἐξέρχομαι, ἔξειμι «выходить, истекать» (II.139), σιιτάμνῳ «спешить, сокращать» (V.41), ἰκνέομαι «приходить» (VI.86). Особенно характерно употребление с χρόνος глаголов περιέρχομαι, περίειμι, буквально – «обходить, идти вокруг» (II.93, 121; IV.155). Ну как тут не вспомнить о циклическом понимании времени в греческой античности!³⁹

В целом все перечисленные глаголы имеют самое прямое отношение к движению. Собственно, это главные глаголы, использовавшиеся древнегреческим языком для передачи движения, причем в большинстве своем не абстрактного движения, а прилагавшиеся в первую очередь

³⁸ Следует отличать от выражения χρόνῳ ὕστερον, тоже часто встречающегося у Геродота и выражающего, в общем-то, ту же идею.

³⁹ Циклизм не исключает историзма; это обычно не принимается во внимание, но недавно на данное обстоятельство справедливо указал В. М. Строгоцкий: *Строгоцкий В.М. Проблемы становления истории как науки в античности // АМА. 2006. Вып. 12. С. 351–362.*

к живым существам. Можем ли мы из этого сделать вывод о том, что за временем признавались некоторые атрибуты живого существа? Кажется, можем (хотя, конечно, в самой осторожной форме), особенно если учитывать общий антропоморфизм мировосприятия греков. При этом, что характерно, мы, кажется, не встречаем с существительным χρόνος глаголов, имеющих значение «течь» *stricto sensu*, столь характерных для русского словоупотребления (ср. такие всем знакомые имплицитные метафоры, как «течение времени» или, скажем, державинская «река времен»; похоже, Геродоту подобные образы чужды). Геродотовское время не «течет»; оно скорее именно «идет», то есть движется менее плавно и, пожалуй, более дискретно.

С другой стороны, геродотовский χρόνος, кажется, имеет и некоторые характеристики, сближающие его с пространством. Так, афиняне говорят спартанским посланцам (VIII.144): «Ведь, как мы предполагаем, не в далеком времени (οὐκ ἐκὰς χρόνου) прибудет варвар, вторгнувшись в нашу землю». Употребленное здесь наречие ἐκὰς «далеко» обычно имеет именно пространственный смысл. Здесь возникает даже определенная коллизия с тем, что было сказано ранее о постоянном движении времени. Ведь пространство, как известно, не движется, – это в нем происходит движение. В принципе, нельзя считать невозможным и восприятие времени в том же духе, – как некую неподвижную среду, в которой движутся (изменяются) живые существа и даже предметы. В какой-то степени такое восприятие представляется даже более естественным: ведь непосредственно ощущалось именно движение *во времени*, а не движение *времени*, особенно в те эпохи, когда это последнее не было еще воплощено в таких зримых символах, как, например, перемещение секундной стрелки.

Как бы то ни было, сближение пространства и времени подводит нас к цитированному выше наблюдению С.С. Аверинцева о том, что в греческом полисе время было дано в пространственном модусе, а также заставляет вспомнить об упоминавшейся категории пространственно-временного континуума, которая, по нашему предположению, наиболее адекватно передавалась термином αἰών. К последнему мы уже очень скоро перейдем, а пока, завершая эту часть статьи, еще раз сделаем акцент на основных характеристиках χρόνος у Геродота.

Χρόνος – весьма частый гость на страницах труда «отца истории». Время-χρόνος – это «линейное время», которое в принципе бесконечно (во всяком случае, в направлении будущего). Его главные качества – протяженность, делимость и движение. Таким образом, перед нами уже достаточно разработанная (пусть и имплицитно) концепция понятия χρόνος, причем имеющая черты значительного сходства с тем, что мы позднее находим у Платона.

Καίρος и αἰών у Геродота. Перейдем теперь к двум другим терминам для обозначения времени. Как уже говорилось, по частоте своего употребления они не идут ни в какое сравнение с χρόνος и встречаются в десятки раз реже. Это, кстати, дает возможность более детально разобрать все соответствующие пассажи.

Обращаясь к термину *καίρος*, сразу же необходимо оговорить, что не все случаи его употребления Геродотом вообще связаны со временем. Так, первый случай использования историком этого слова (Hdt. I.30) на-

ходим уже в начале его труда – в «лидийском логосе», а еще точнее – в рассказе о встрече Креза и Солона⁴⁰. Когда афинский мудрец прибыл к сардскому владыке, тот показывал гостю свои сокровища. Наконец, Солон осмотрел «все, что ему подобало», – именно так мы считаем наиболее уместным перевести оригинальную конструкцию *πάντα... ὥς οἱ κατὰ καιρὸν ἦν*. Здесь *καιρός* вряд ли имеет временное значение; скорее уж можно говорить о значении статусном.

То же можно сказать и о втором пассаже с *καιρός* (I.125), содержащемся в «мидийско-персидском логосе». Строго говоря, мы встречаем здесь не само существительное *καιρός*, а его дериват – прилагательное *καίριος*: Кир размышляет о том, как склонить персов к восстанию против мидийского владычества и в конце концов решает, «что наиболее подходящим (*καίριώτατα*) является следующее...». В том же «логосе» (I.206) правительница массагетов Томирида через глашатая предлагает Киру, вторгшемуся в ее земли, отказаться от своего намерения: «Ибо ты не можешь знать, пойдет ли тебе на пользу (*ἐς καιρὸν*) то, что ты совершаешь». Уже во «втором персидском логосе», повествующем о деяниях преемников Кира, вновь встречаем прилагательное *καίριος* (III.64): Камбис случайно ранил себя мечом (в бедро, то есть именно в то место, в которое он сам незадолго до того поразил египетского священного быка Аписа) и «решил, что удар был смертельным (*οἱ καιρίῃ ἔδοξε τεύφθαι*)».

Перед нами прошли четыре случая, когда *καιρός* у Геродота употреблен, кажется, не во временном смысле. Впрочем, мы не исключаем, что цитированные места (пожалуй, кроме последнего) могут быть при желании поняты и с временным оттенком. Так, пассаж в I.30 считаем возможным перевести «все, что у него (sc. Креза) к тому моменту было», пассаж в I.125 – «что наиболее своевременным является следующее», пассаж в I.206 – «ибо ты не можешь знать, будет ли для тебя своевременным то, что ты совершаешь».

А далее начинаются примеры использования термина *καιρός* в собственно временном значении. Сразу два таких случая находим мы в «скифском логосе», причем оба – в пределах одной небольшой главы (IV.139), в речи милетского тирана Гистиея к скифам (последние предложили грекам разрушить мост через Дунай, по которому Дарий с войском перешел в Скифию). Данное обстоятельство уже само по себе привлекает к себе внимание, если учитывать большую редкость рассматриваемой нами лексемы в труде Геродота.

Гистией говорит: «О мужи-скифы, вы пришли, неся дельный совет, и успевайте вовремя (*ἐς καιρὸν*)». И чуть ниже: «Пока мы разрушаем его (мост. – *И. С.*), вам самое время (*καιρός ἐστί*) искать их (персов. – *И. С.*) и, найдя, отомстить им за нас и за вас». Для лучшего понимания этих двух тесно взаимосвязанных пассажей необходимо учитывать следующее. Гистией лжет: разрушать мост он вовсе не намерен и только что убедил

⁴⁰ Как мы уже предположили в другом месте (*Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79*), источником Геродота для этого рассказа послужило какое-то недошедшее стихотворение самого Солона. Образ времени в произведениях Солона как крупного и характерного представителя архаической лирической поэзии, – отдельная и важная тема, которой интересно было бы заняться в будущем. См. некоторые предварительные наброски к анализу данной проблематики в работе: *Blaise F. Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia' (Poem 4) // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 114–133.*

других греческих военачальников не делать этого. А теперь ему нужно ввести скифов в заблуждение и сделать так, чтобы они убралась. Потому-то он и поторапливает их, убеждает спешить, напоминает о *καιρός*. Здесь предельно четко выступает сущность этого самого *καιρός* как «точка во времени», краткого момента, который легко можно упустить.

Во второй части «Истории», посвященной всецело Греко-персидским войнам, *καιρός* тоже встречается несколько раз. Повествуется о посольстве восставших ионийцев в Балканскую Грецию, в частности, в Афины. В последних как раз сформировались враждебные настроения по отношению к персам, и «в это самое время (*ἐν τούτῳ δὴ τῷ καιρῷ*) в Афины прибыл милетянин Аристагор, изгнанный из Спарты Клеоменом-лакедемонянином» (V.97). В принципе, в подобном контексте с тем же успехом могло стоять *ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ*. Однако употреблено все-таки слово *καιρός*, и, очевидно, не случайно. Как мы предполагаем, таким образом подчеркивается точность и одновременно важность *момента*, что мы и постарались передать в переводе посредством выражения «в это *самое* время» (находя для подобного акцента основание в усилительной частице *δή*).

Очень похожую конструкцию встречаем ближе к концу труда, в рассказе о Саламинском сражении (VIII.87): «Ибо, когда дела царя пришли в расстройство, как раз в это время (*ἐν τούτῳ τῷ καιρῷ*) корабль Артемисии подвергался преследованию со стороны аттического корабля». И далее рассказывается о военной хитрости, с помощью которой Артемисии удалось уйти от погони. Здесь, как видим, подчеркивается то же самое – точность и важность *момента*.

Повествуется об афино-эгинском конфликте в конце 490-х гг. до н.э. Эгинец Никодром тайно перешел на сторону афинян и обещал сдать им свой город. Условились о дне, в который к Эгине должен был прибыть афинский флот; но афиняне промедлили и опоздали. «Никодром же, поскольку афиняне не прибыли в срок (*ἐς τὸν καιρόν*), взойдя на корабль, бежит с Эгины (VI.90)». Здесь *καιρός* имеет значение условленного срока, заранее назначенного момента.

Эпизод о морской программе Фемистокла: «Еще до этого предложения Фемистокла⁴¹ прославилось его другое, своевременно поданное (*ἐς καιρόν*) предложение...» (VII.144). Схожие контексты с *ἐς καιρόν* мы уже встречали выше (I.206; IV.139). Как в них, так и здесь силен оттенок именно своевременности: имеется в виду, что предложение Фемистокла не только само по себе оказалось удачным, но и сделано было в самое подходящее время.

Слова Аристиды, обращенные к Фемистоклу (VIII.79): «Нам и в другое время, и особенно в нынешнее (*ἐν τε τῷ ἄλλῳ καιρῷ καὶ δὴ καὶ ἐν τῷδε*)⁴² надлежит соревноваться в том, кто из нас сделает родине больше добра». Термин *καιρός* здесь опять же маркирует значимость, ключевое значение момента: разговор происходит в ночь перед Саламинской битвой, и Аристид, еще не знающий о планах Фемистокла, прибыл с важной новостью о перегруппировке персидских сил и об окружении ими греческого флота.

⁴¹ Имеется в виду предложение эвакуироваться из Афин, перебраться на Саламин и готовиться там к морской битве (480 г. до н.э.).

⁴² Следуем конъектуре Леграна: в рукописной традиции явная порча текста – *εἰ ἐν τῷ ἄλλῳ καιρῷ κτλ.*

Слова афинян спартанским послам в период переговоров об общем выступлении против персов, приведшем в конечном счете к сражению при Платеях: «Прежде чем он (враг. – И. С.) придет в Аттику, вам самое время (καιρός ἐστὶ; ср.: IV.139) выступить на помощь в Беотию» (VIII.144). И вновь абсолютно аналогичная ситуация: акцентируется некий ответственный, важный, ключевой момент.

И, наконец, последний случай употребления καιρός в труде Геродота (IX.87) – опять, как неоднократно ранее, в конструкции ἐς καιρόν «своевременно, вовремя». Союзное эллинское войско осаждает Фивы, ранее выступавшие на стороне Ксеркса. Тимегенид, один из лидеров фиванского полиса, предлагает согражданам купить мир путем выдачи грекам его самого, Тимегенида, и нескольких других влиятельных граждан. Такое самопожертвование, конечно, было воспринято фиванцами с энтузиазмом: «им показалось, что его предложение весьма хорошо и своевременно (ἐς καιρόν)».

Какие возможны выводы о семантике лексемы καιρός у Геродота? Бесспорно, καιρός означает момент, точку во времени. Но нам хотелось бы привлечь внимание еще и к тому, что, как правило, появление данного термина связано не с любими, а с важными, ответственными, ключевыми моментами. Καιρός менее нейтрален, чем χρόνος; он, если можно так выразиться, несет в себе некий оттенок императива. Это хорошо видно, в частности, в том единственном месте геродотовского труда (VIII.144), где καιρός и χρόνος появляются рядом: первое из этих слов содержится в настоятельной просьбе прийти на помощь, обращенной афинянами к спартанцам, а второе – в констатации возможности вторжения персов в Аттику. Модальность здесь, вне всякого сомнения, совсем неодинаковая.

Καιρός у Геродота часто относится к сложным ситуациям (обычно военного характера), когда возникает необходимость принятия ответственного решения, от которого будет серьезно зависеть дальнейший ход событий. Причем нередко перед субъектом принятия решения стоит альтернатива. Кир может начать войну с массагетами, а может и отказаться от нее, как советует ему Томирида (I.206); он выбирает первое, и это самым фатальным образом сказывается на его судьбе. Греки могут принять предложение скифов, разрушить мост через Дунай и оставить войско Дария погибать в степях Северного Причерноморья, а могут и не делать этого (IV.139); они выбирают второе, что тоже приводит к самым глобальным последствиям – Греко-персидским войнам. Афиняне могут послать военную помощь ионийцу Аристагору, а могут и не посылать (V.97); они выбирают первое, и результаты хорошо известны – удар Ахеменидов с тех пор наносился в первую очередь по Афинам. Те же афиняне могут принять морскую программу Фемистокла, а могут и не принимать (VII.144); они выбирают первое, и в итоге их флот оказывается сильнейшим в Греции, вносит главный вклад в разгром Ксеркса, а впоследствии позволяет им создать морской союз – главную реальность новой эпохи (об этой реальности у Геродота прямо не упоминается, но современники историка, читатели/слушатели его труда, конечно, никогда о ней не забывали). Спартанцы могут выступить на помощь афинянам, а могут и не выступать (VIII.144); они выбирают первое, что оканчивается Платейской битвой и полным изгнанием персов из Балканской Греции. Во всех перечисленных ситуациях у Геродота появляется термин καιρός, и

это, надо полагать, не случайно. Мы даже рискнули бы сказать, что в *καίρος* есть что-то от «точки бифуркации», но опасаемся, что это будет уже слишком смело.

Всего-навсего 13 раз встречается *καίρος* (вместе с дериватами) в «Истории», но два из этих случаев приходится на рассказ о Саламинском сражении. А этот рассказ, как уже было справедливо отмечено⁴³, представляет собой подлинную кульминацию труда Геродота, «вершину» характерной для него фронтовой композиции. Другое необычное накопление выражений с *καίρος* (два раза в одной главе), как мы уже отметили выше, имеет место в «скифском логосе», тоже весьма важном как для повествования «отца истории», так и для реального хода событий. В скифском походе персов как бы завязывался узел Греко-персидских войн; в нем вместе появились на сцене главные герои первого этапа этого вооруженного конфликта, люди, чьи пути впоследствии столь радикальным образом разошлись, – Дарий, Гистией и Мильтиад. Упомянем, кстати, что «скифский логос» с его необычной частотой лексемы *καίρος* при этом чрезвычайно беден на лексему *χρόνος* (о чем еще будет сказано ниже). Не возьмемся категорично судить, значит ли это что-нибудь и нет ли тут какого-либо скрытого противопоставления.

Переходим, наконец, к термину *αἰών*, который у Геродота совсем редок – всего пять употреблений. Первое из них обнаруживаем в эпизоде встречи Креза и Солона (этот не очень пространственный пассаж вообще чрезвычайно насыщен временной терминологией, в нем есть и *χρόνος*, и *καίρος*). В беседе о счастье человеческого афинский мудрец говорит своему лидийскому гостеприимцу, что не может назвать его счастливым, «пока я не узнаю, что ты достойно окончил свой век (*τὸν αἰῶνα*)» (Hdt. I.32).

Следующее место, где встречается *αἰών*, – письмо египетского фараона Амасиса тирану Самоса Поликрату (Hdt. III.40), которое, естественно, представляет собой литературную фикцию. Амасис насторожен тем, что его корреспонденту во всем сопутствует счастье, считает это дурным предзнаменованием. Он пишет: «А я хочу, чтобы и мне самому, и тем, кто мне небезразличен, как-нибудь было дано в одних делах достигать успеха, в других же – терпеть неудачу, и чтобы таким образом я проводил свой век (*τὸν αἰῶνα*) в переменах; это лучше, чем во всем преуспевать».

В дальнейшем *αἰών* начинает появляться только уже ближе к концу труда Геродота. Персидский вельможа Артабан говорит Ксерксу: «...А бог, дав ему (человеку. – И. С.) вкусить сладкое время жизни (*γλυκὸν... τὸν αἰῶνα*), оказывается по отношению к нему завистливым» (Hdt. VII.46). Весь этот очень пессимистический пассаж в высшей степени созвучен и словам Солона перед Крезом, и словам Амасиса перед Поликратом; в нем также звучит идея «зависти богов» – одна из ключевых для религиозного мировоззрения «отца истории».

Два последних упоминания *αἰών* у Геродота – оба в практически аналогичном контексте – содержатся в рассказе о сухопутной кампании 479 г. до н.э. Военачальник фокидян Гармокид говорит своим воинам: «Ведь лучше окончить свой век (*τὸν αἰῶνα*), свершив что-нибудь и обороняясь, чем позволить себя погубить позорнейшей гибелью» (IX.17). Чуть

⁴³ Напр.: Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 483 слл.

ниже (IX.27) точно такую же конструкцию встречаем в речи афинян, полной прославления подвигов их предков и в этом отношении чрезвычайно напоминающей т. н. эпитафии (надгробные речи) – жанр, типичный для афинской риторической традиции⁴⁴. В перечне великих дел прошлого говорится, в частности, следующее: «...Мы утверждаем, что, когда аргосцы двинулись с Полиником на Фивы⁴⁵ и, окончив свой век (τὸν αἰῶνα), лежали непогребенными, мы пошли войной на кадмейцев, отобрали тела и похоронили их в нашей стране, в Элевсине».

Можно ли на основании столь скудной информации (всего несколько пассажей) делать какие-то ответственные выводы о семантике αἰῶν в геродотовской «Истории»? Как нам представляется, все-таки можно. И прежде всего сразу бросается в глаза, что, хотя под αἰῶν во всех разобранных случаях подразумевается определенный промежуток времени, данная лексема нигде не обозначает «абстрактного» и «нейтрального» времени, времени, взятого «само по себе», как χρόνος. Αἰῶν – это всегда время чьей-либо жизни, время, неразрывно, связанное, слитое с жизнью, с ее событиями. Это – время «наполненное», как мы и отмечали выше в связи с термином αἰῶν как таковым.

Если χρόνος более или менее равномерно распределен по всему тексту труда «отца истории» (об отклонениях от этого равномерного распределения см. ниже), если καιρός кульминирует в рассказах о скифском походе и о Саламинском сражении, то кульминация αἰῶν (два случая из пяти), как видим, приходится на повествование о Платейской битве, точнее, о ее преддверии. Похоже, в этом тоже есть определенный скрытый смысл. По мере приближения к делу при Платеях напряженность в труде нарастает, читатель подводится к мысли о ключевом, судьбоносном значении надвигающихся событий. Если Саламин – это некий καιρός, важный момент, который был в высшей степени удачно использован Фемистоклом, то у Платей решается сама судьба, сама жизнь Эллады и эллинов, их αἰῶν, который может бесславно окончиться, как бесславно окончился αἰῶν Креза и Поликрата, но может и славно продолжиться. Время именно на данном отрезке «Истории» становится наименее абстрактным, наиболее «наполненным», пересекающимся с пространством, и на этом пересечении происходит столкновение двух миров – эллинского и «варварского».

Возможно, не лишен некоторого значения и тот факт, что из пяти употреблений αἰῶν в геродотовском труде ни одно не находится в авторской речи. Во всех случаях без исключения лексема вложена в уста кому-либо из действующих лиц: три раза она приписана грекам, два раза – «варварам». Сказанное ни в коем случае не означает, что Геродот, не используя в высказываниях от своего лица термин αἰῶν, стремится как бы отстраниться от него; напротив, как нам представляется, он хочет таким образом погрузить αἰῶν в самую глубину конкретных жизненных ситуаций. Кстати, небезынтересно, что все без исключения пассажи, где встречается αἰῶν у Геродота, являют собой увещания.

⁴⁴ Об афинских надгробных речах и излюбленных в них риторических топосах (в числе которых прославление военных подвигов афинян, как легендарных, так и исторических) см. наиболее подробно в фундаментальной работе, уже ставшей классической: *Logai N. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City*. Cambr. (Mass.), 1986.

⁴⁵ Речь идет о знаменитом в героической мифологии походе «Семерых против Фив».

Если еще немного углубиться в этот вопрос и рассмотреть его с точки зрения системы «субъект речевого воздействия – объект речевого воздействия», то картина вырисовывается следующая. Из пяти пассажей с αἰών два обращены эллинами к эллинам, один – эллином к варвару (Солоном к Крезу), один – варваром к эллину (Амасисом к Поликрату) и один – варваром к варвару (Артабаном к Ксерксу). Таким образом, αἰών оказывается тесно связан с межцивилизационной коммуникацией, «диалогом культур». Как известно, тенденция к такому диалогу у Геродота и в целом гораздо сильнее, нежели у любого другого древнегреческого автора классической эпохи (впоследствии эту «цивилизационную диалогичность» автора «Истории» часто понимали как пресловутый «филоварваризм» – ср., например, «О злокозненности Геродота» Плутарха). Αἰών в подобном контексте оказывается своего рода пограничным термином, лексической «контактной зоной».

Итак, смело можно утверждать, что у Геродота καιρός, χρόνος и αἰών выстраиваются в целостную систему, взаимодополняют друг друга. Материал интересующего нас здесь автора вполне подтвердил выдвинутую в начале статьи рабочую гипотезу о соотношении трех категорий или «трех ликов» времени – «времени-точки», «времени-линии» и «времени-плоскости», как мы их условно назвали. Перед нами, очевидно, одна из базовых структур древнегреческого сознания. Разумеется, предлагаемый тезис настоятельно нуждается в проверке на материале других авторов. Такая проверка, которая предоставит в наше распоряжение необходимые сравнительные данные, конечно, не может быть осуществлена в рамках данной работы и представляется делом будущего. В качестве первого и наиболее подходящего «кандидата» на сравнение с Геродотом по развернутым здесь параметрам выступает, само собой, Фукидид⁴⁶.

Наконец, обратим внимание на уже отмечавшееся выше обстоятельство – решительное преобладание у Геродота «линейного» времени (χρόνος) над «точечным» (καιρός) и «плоскостным» (αἰών). Если это обстоятельство вообще что-нибудь означает (а в этом у нас пока нет полной уверенности), то оно может означать только следующее. Χρόνος, как становится вполне ясным из приводившихся его словоупотреблений, – это, помимо прочего, еще и время движущееся. А интерес «отца истории» очевидным образом прикован именно к движению времени, к происходящим во времени процессам⁴⁷.

«Время эллинское» и «время варварское»: некоторые статистические подсчеты. В последней части статьи нам хотелось бы остановиться еще на одном вопросе, а именно на вопросе частотности временной терминологии у Геродота, как в «Истории» в целом, так и в ее отдельных частях. Поскольку эти части имеют существенно различное содержание, то, возможно, немаловажным окажется, в каких из них мы чаще будем сталкиваться со временем.

О каких частях идет речь? Подчеркиваем, что мы не имеем в виду традиционное деление «Истории» на девять книг. Это деление, скорее

⁴⁶ О различии в восприятии времени между Геродотом и Фукидидом см.: *Bowyer D. Temps chronique et temps météorologique dans les premiers historiens grecs // Constructions du temps dans le monde grec ancien. P., 2000. P. 140.*

⁴⁷ В. Хантер считает, что для античных историков в целом был характерен этот интерес к процессу, движению. См.: *Hunter V. Op. cit. P. 117 ff.*

всего, не принадлежит самому автору и было сделано позже, а главное – оно имеет по большей части вполне условный характер. А нам важно членение труда с точки зрения его содержания.

Прежде всего отметим, что все произведение может быть достаточно четко разделено на две большие, примерно равные части (границу между ними уместнее всего провести по главе V.18) – «Предысторию Греко-персидских войн» и «Историю Греко-персидских войн». В первой части речь идет о событиях до 500 г. до н.э., в основном о возникновении и росте державы Ахеменидов, о персидских завоеваниях. Во второй части рассказывается о событиях 500–479/478 гг. до н.э., начиная с Ионийского восстания, знаменовавшего открытие полувекового вооруженного конфликта между греческим миром и Персией. Иными словами, первая часть охватывает весьма значительный хронологический отрезок, вторая – лишь два десятилетия. Уже поэтому время оказывается в ней намного более «спрессованным».

Каково дальнейшее структурирование труда? Первая часть достаточно четко подразделяется на отдельные рассказы – «логосы». Хотя все они связаны друг с другом единой нитью повествования, но в то же время и каждый из них представляет собой определенное целостное единство. Обычно выделяют (помимо введения) «лидийский логос», «мидийско-персидский логос», «египетский логос», «второй персидский логос» («Дариев логос»), «скифский логос», «ливийско-киренский логос» и «фракийский логос», итого восемь «логосов».

Вторая часть структурирована не столь четко, что определяется ее тематикой. Однако и в ней можно выделить (пусть и с несколько большей долей условности) пять «логосов», которые могли бы быть озаглавлены следующим образом: «Ионийское восстание», «Кампания 490 г. до н.э.: Маратон», «Воцарение Ксеркса и его подготовка к походу на Грецию», «Кампания 480 г. до н.э.: Фермопилы и Саламин», «Кампания 479 г. до н.э.: Платеи и Микале».

Внутри «логосов» присутствуют наименьшие структурные единицы – экскурсы, многочисленные отступления Геродота от основного сюжета изложения. На этом текстовом уровне труднее всего говорить о каких-то системных принципах. Здесь больше всего хаотичности, в одних «логосах» экскурсов весьма много, в других – практически нет.

Исходя из этих представлений о членении труда «отца истории», мы произвели некоторые статистические подсчеты, связанные с терминологией времени, и попытаемся на основе этих подсчетов сделать определенные обобщения и выводы. Оговорим сразу, что в наших подсчетах мы учитывали только χρόνος (с дериватами), поскольку лишь данная лексема встречается у Геродота с достаточной степенью частотности, чтобы сделать предлагаемые здесь выкладки хотя бы в какой-то степени репрезентативными. Καίρος и αἰών (менее двух десятков употреблений обоих терминов, вместе взятых) такой репрезентативности дать не могут.

Чтобы обобщения стали возможными, потребовалось формализовать полученные данные и с этой целью ввести специальный коэффициент частотности использования интересующей нас лексемы. Назовем его T-коэффициентом (T – от *tempus*) и поясним на конкретном примере способ его выведения. T-коэффициент выражает отношение количества встречаемости термина χρόνος к количеству относительно мини-

мальных отрезков текста; за такие относительно минимальные отрезки мы принимаем главы, на которые принято в современных изданиях делить труд Геродота. В виде формулы: $T = x : y$, где x – число употреблений лексемы $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ (с дериватами), y – число глав. Например, для всей «Истории» T -коэффициент определяется так: $x = 298$, $y = 1535$ ⁴⁸, следовательно $T = 298 : 1535 = 0,19$ (во всех случаях округляем цифру до сотых долей единицы). Теперь нам предстоит вывести значение этого коэффициента для различных по содержанию частей труда.

Подчеркнем, что все нижеследующие цифры будут иметь сугубо приблизительный, даже грубо-приблизительный характер. Их точности не сподобится целый ряд обстоятельств. Во-первых, глава сама по себе отнюдь не является эталоном точного отрезка текста: главы в «Истории» Геродота, как и в любом другом античном нарративном памятнике, весьма сильно разнятся друг от друга по размеру, причем различия имеют, в общем-то, случайный характер, закономерность в них не услеживается. Впрочем, здесь нам на помощь приходит закон больших чисел П.А. Чебышева, согласно которому, как известно, совокупное действие большого числа случайных факторов приводит, при некоторых весьма общих условиях, к результату, почти не зависящему от случая. Иными словами, главы, сильно отклоняющиеся от среднего размера в ту или иную сторону, взаимно нивелируют друг друга, и в результате удается получить среднюю же, достаточно репрезентативную картину.

Второе обстоятельство, препятствующее точности подсчетов, – в известной мере условный характер деления «Истории» на «логосы»: между последними зачастую весьма трудно провести сколько-нибудь строгую границу. Например, рассказ о покорении Камбисом Египта и его пребывании в этой стране обычно включают в состав «второго персидского логоса» (так сделаем и мы), но он ведь с тем же успехом может быть отнесен и к «египетскому логосу». Наконец, в-третьих, единство «логосов», как мы уже отмечали, разбито экскурсами; на этом уровне текста его структура становится особенно дробной, а проследить ее элементы во всех деталях не позволят ограниченные рамки статьи. Поэтому, повторим еще раз, ни на что большее, чем весьма грубые и приблизительные подсчеты, мы не претендуем; но, может быть, уже и это позволит прийти к каким-то результатам.

Начиная конкретный анализ, прежде всего отметим, что T -коэффициент двух основных частей труда оказывается практически одинаковым и совпадающим с T -коэффициентом для всего произведения. А именно, для «Предыстории Греко-персидских войн» он равен 0,2, а для «Истории Греко-персидских войн» – 0,19. Это убеждает нас в том, что закон больших чисел в нашей ситуации действительно работает и, следовательно, мы можем рассчитывать на определенную репрезентативность полученных в дальнейшем данных. Хотя цифры по различным структурным элементам «Истории» Геродота, как увидим, будут порой довольно сильно отличаться от усредненного значения, которое мы имеем для памятника в целом (впрочем, «довольно сильно» нужно, конечно, понимать в относительном смысле; так, коэффициент нигде не превзойдет единицу).

⁴⁸ В число глав включаем также короткое вступление в начале труда, которое в изданиях обычно не нумеруется.

Установим теперь значения Т-коэффициента для отдельных «логосов». Они таковы:

- Введение (I. проом. – I.5) – 0,33;
- «Лидийский логос» (I.6–94) – 0,35;
- «Мидийско-персидский логос» (I.95–216) – 0,14;
- «Египетский логос» (II.1–182) – 0,25;
- «Второй персидский логос» (III.1–160) – 0,21;
- «Скифский логос» (IV.1–144) – 0,1;
- «Ливийско-киренский логос» (IV.145–205) – 0,2;
- «Фракийский логос» (V.1–27) – 0,15;
- «Ионийское восстание» (V.28–126, VI.1–93) – 0,23;
- «Кампания 490 г. до н.э.: Марафон» (VI.94–140) – 0,22;
- «Воцарение Ксеркса и его подготовка к походу на Грецию» (VII.1–178) – 0,15;
- «Кампания 480 г. до н.э.: Фермопилы и Саламин» (VII.179–239, VIII.1–129) – 0,13;
- «Кампания 479 г. до н.э.: Платеи и Микале» (VIII.130–144, IX.1–122) – 0,26.

Можем ли мы на основании этих значений позволить себе установить какие-то закономерности? Кажется, да. Так, невозможно не заметить, что полученные цифры для «логосов» первой части труда сильнее отличаются друг от друга и от средней цифры по всей «Истории», чем соответствующие цифры для «логосов» второй части труда. При этом ранее мы уже заметили, что «логосы» первой части и в целом выделены более четко и сильнее разнятся между собой; каждый из них посвящен какой-либо «варварской» стране и народу. Вот тут-то, как нам представляется, имеют право на существование некоторые соображения по поводу соотнесения Геродотом тех или иных «варварских» этносов с течением времени. Исходим из того, что меньшее значение Т-коэффициента соответствует меньшей вовлеченности субъекта повествования во временной, исторический процесс.

Меньше всего цифра Т-коэффициента для «скифского логоса» (0,1). А для той его части, которая повествует собственно о Скифии (IV.2–82) она еще более незначительна – 0,04. Скифы у Геродота – типичный образец отдаленного «варварского» народа, живущего на окраине ойкумены, отчужденного от цивилизации эллинского типа. А подсчеты показывают, что и время в их жизни играет незначительную роль. Оно как бы не движется, остановлено.

В связи с этим небезынтересно привести соответствующие цифры для других рассказов Геродота о столь же отдаленных, периферийных странах. Это уже не «логосы», а экскурсы. Обнаруживаем, в частности, что для экскурса об Эфиопии (II.17–25) Т-коэффициент составляет 0,11; для экскурса об Индии (III.98–106) – также 0,11; для экскурса о Ливии (IV.166–205), входящего в состав «ливийско-киренского логоса», получаем цифру 0,1 (как и для рассказа о скифах), для экскурса о массагетах (I.201–216) – еще меньшую цифру 0,06. А в экскурсе об Аравии (III.107–113) она вообще равняется нулю: ни одного упоминания χρόνος! Это для Геродота застывшие, «холодные общества», живущие вне линейного, ис-

торического времени⁴⁹. Близок к перечисленным пассажам «фракийский логос», но в нем Т-коэффициент все же несколько больше (0,15). Фракийцы воспринимались античными греками в некоторых отношениях как эталон «варваров». Однако это были «варвары» более близкие (хотя бы в чисто географическом плане), более «знакомые» и тем самым более включенные в эллиоцентричный исторический процесс.

Весьма интересную картину представляют наблюдения с принятой нами точки зрения над теми пассажами Геродота, которые повествуют об иранских народах – мидийцах и персах, которых греки, как правило, воспринимали в неразрывном единстве (ср. обычное обозначение Греко-персидских войн как τὰ Μηδικά). Т-коэффициент для «мидийско-персидского логоса» в первой книге «Истории», как было показано, и в целом невелик (0,14). При этом следует отметить, что на долю самих мидийцев (I.95–130) и персов (I.131–140) приходятся еще меньшие цифры: для первых 0,11, а для вторых 0,1. А более высокий коэффициент для данного «логоса» в целом достигается в первую очередь за счет того, что в него включен экскурс о Вавилоне (I.178–200) с довольно значительной цифрой 0,22. Приведенные соотношения вполне объяснимы: мидийцы и персы до покорения Лидии, выхода к Эгейскому морю и вступления в прямой контакт с эллинским миром оставались для греков столь же отдаленными, периферийными «варварскими» народами, как какие-нибудь скифы или индийцы. Совсем другое дело – Вавилон, эта символическая «столица Востока», о которой греки давно уже были прекрасно насыщены и включали ее в рамки своего «исторического космоса».

Во «втором персидском логосе» Т-коэффициент для персов возрастает (0,21), что, безусловно, свидетельствует о большей вовлеченности персов на новом этапе в греческие дела и тем самым – в исторический процесс. При этом, чем больше степень такой вовлеченности для того или иного конкретного эпизода, тем чаще появляется χρόνος. Отмеченную закономерность легко продемонстрировать численными данными. В тех частях «логоса», где греки не появляются и речь идет о чисто «варварских» делах, Т-коэффициент по большей части остается по-прежнему малым. Например, для рассказа о покорении Камбисом Египта (III.1–16) он составляет 0,12; для рассказа о перевороте Дария (III.70–88) – 0,11; для перечня сатрапий державы Ахеменидов (III.89–97) – тоже 0,11.

А вот в тех пассажах «второго персидского логоса», где появляются греки, Т-коэффициент сразу существенно возрастает. В рассказе о завоевании Самоса (III.139–149) имеем цифру 0,27; в экскурсе об отношениях Самоса и Спарты (III.39–60) – 0,32; в эпизоде с гибелью самосского тирана Поликрата (III.120–128) – 0,44. Наконец, в истории грека Демокета, лейб-медика персидского царя (III.129–138) Т-коэффициент достигает весьма высокого уровня: 0,6.

Здесь мы выходим на важную закономерность, которая, несмотря на оговоренную выше предельную грубость подсчетов, кажется, не может быть оспорена. Эта закономерность в упрощенной форме может быть передана так: чем больше в том или ином эпизоде греков – тем больше в нем χρόνος^α. Чем больше в эпизоде «варваров» и чем более они «варвары», чем

⁴⁹ При этом «точечное время» в названных обществах вполне может фиксироваться. Достаточно вспомнить, что «скифский логос», столь бедный на термин χρόνος, оказывается в то же время одним из первых в «Истории» по количеству упоминаний καιρός.

далее они от греков (в географическом и/или цивилизационном смысле) – тем реже встречается $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$. Названную закономерность нам еще предстоит верифицировать на дальнейших примерах⁵⁰.

«Ливийско-киренский логос» (общий Т-коэффициент 0,2) делится на две части – «киренскую» и «ливийскую». Для последней, чисто «варварской», коэффициент, как упоминалось выше, мал – 0,1. А вот для «киренской» части (IV.145–165) он, напротив, велик, почти в четыре раза больше – 0,38. И не удивительно: ведь здесь речь идет об эллинах, колонизовавших и освоивших Киренаику.

Значение Т-коэффициента, несколько превышающее среднее по «Истории», имеет «египетский логос» (0,25). Это тоже вполне объяснимо. Египтяне для греков, конечно, «варвары», однако отнюдь не «периферийные варвары», подобные скифам или эфиопам, скорее, напротив, «срединные варвары». Геродот сплошь и рядом акцентирует древность египетской цивилизации, ее влияние на становление греческой. Египтяне и греки уже с эпохи архаики самым тесным образом взаимодействовали в единой системе международных контактов в Восточном Средиземноморье⁵¹. Иными словами, в эллинском восприятии египтяне – «варвары», но в то же время не вполне «чужие», они были включены в греческий «ментальный космос» в качестве одного из важных звеньев.

Сказанное в такой же и даже большей степени относится к лидийцам. «Лидийский логос» во всем труде Геродота дает, пожалуй, самый замечательный материал по интересующей нас тематике. По своему Т-коэффициенту (0,35) он занимает первое место среди всех «логосов», входящих в состав «Истории». Данное обстоятельство связано, несомненно, с тем, что из всех «варварских» стран Лидия, непосредственно граничившая с регионами обитания малоазийских греков, воспринималась как «наименее варварская» и в наибольшей степени включенная в исторический процесс, – отсюда и частота употребления в «лидийском логосе» лексемы $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$.

Ситуация становится еще более занимательной, даже захватывающей, если мы учтем, что даже на общем фоне высокого Т-коэффициента в данном «логосе» выделяются несколько экскурсов, для которых этот коэффициент еще выше. И эти экскурсии, как правило, посвящены греческим делам! В экскурсии о Периандре и Арионе (I.20–24) Т-коэффициент составляет 0,4; в экскурсии о приходе Писистрата к власти в Афинах (I.59–64) – 0,5. А в экскурсии о возрастании могущества архаической Спарты (I.65–70) он достигает поразительно высокой цифры 0,83. Таким образом, подтверждается выше отмеченная закономерность: чем больше греков – тем больше $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ 'а.

Весьма значителен Т-коэффициент (0,5) также во входящем в «лидийский логос» рассказе о покорении Лидии Киром (I.71–92). Объясняем это тем, что данный эпизод вообще занимает ключевое место в композиционной и особенно концептуальной структуре труда Геродота: в нем происходит как бы завязка Греко-персидских войн, с появлением персов

⁵⁰ Некоторые замечания о проблемах «эллинского времени» и «варварского времени» у Геродота см.: *Pauren P. Comment résister à la conquête: temps, espace et récit chez Hérodote* // REG. 1995. Vol. 108. P. 308–338.

⁵¹ *Борухович В.Г. Египет и греки в VI–V вв. до н.э.* // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историческая: Средние века и древний мир. Горький, 1965. Вып. 67. С. 74–137.

на берегах Эгеиды событиям дается некий первоначок, обуславливающий их дальнейшее развитие. Исторический процесс, как его понимает Геродот, на этом этапе находится в одной из своих высших точек, обретает особенный динамизм.

«Логосы», входящие в состав второй части «Истории» и повествующие собственно о военных действиях между эллинами и персами, более трудны и неоднозначны для анализа с помощью используемой нами методики (хотя, тем не менее некоторые закономерности возможно наблюдать и на их материале). Они не демонстрируют такой же чистой и четкой структуры, как «логосы» первой части и почти все имеют «смешанный», «греко-варварский» характер, с некоторым преобладанием греческого элемента. Исключение представляет «логос», который мы обозначаем как «Воцарение Ксеркса и его подготовка к походу на Грецию». Он по своему содержанию чисто «варварский», и значение его Т-коэффициента (0,15) примерно соответствует значению для большинства «варварских» «логосов»; в дальнейшем мы уже не будем его касаться.

Остальные «логосы» второй части в большинстве своем отличаются единообразием Т-коэффициента: «Ионийское восстание» – 0,23, «Кампания 490 г. до н.э.» – 0,22, «Кампания 479 г. до н.э.» – 0,26. Из этого ряда резким диссонансом выбивается «логос», повествующий о кампании 480 г. до н.э., о Фермопилах и Саламине. Его Т-коэффициент – всего лишь 0,13, как в «логосах» о каких-нибудь отдаленных «варварах». На вопрос о причинах такой специфики мы пока не готовы дать однозначный и категоричный ответ. Можем разве что попытаться высказать некоторые соображения гипотетического характера. Как говорилось выше, данный «логос» – кульминация «Истории», вершина ее фронтовой композиции. Можно предположить, что в «вершинном» моменте действие как бы уравнивается и застывает в горделивом, гармоничном покое, с тем чтобы впоследствии опять начать движение, уже нисходящей линии. События достигают высшего накала; на какой-то период «линейное время» (*χρόνος*) уступает место «точечному времени» (*καιρός*). Сказанное в полной мере подтверждается тем, что данный «логос» – действительно один из первых в «Истории» по количеству употреблений термина *καιρός* (см. выше, где отмечалась параллель со «скифским логосом», в котором картина абсолютно аналогична: меньше *χρόνος*, больше *καιρός*).

Напоследок отметим еще некоторые экскурсы второй части с большим значением Т-коэффициента. Среди таких экскурсов, в частности, так называемая «апология Алкмеонидов» (VI.121–131)⁵² – аргументированная защита Геродотом этого рода от обвинений в персидской измене. Т-коэффициент в этом пассаже – 0,45.

Но особенно много среди экскурсов с повышенным Т-коэффициентом таких, которые относятся к Спарте. Перечислим их с указанием цифры коэффициента: экскурс о Клеомене и Дориее (V.39–48) – 0,6; обширный экскурс о Клеомене и Демарате с включением информации о статусе спартанских царей (VI.50–86) – 0,38; экскурс об укреплении Клеомбротом Истма в 480 г. до н.э. (VIII.71–74) – 0,5. Следует сказать, что и

⁵² Об этом и других пассажах Геродота, посвященных Алкмеонидам, см.: Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 95 сл. (со ссылками на предшествующую литературу).

в первой части «Истории» спартанские экскурсы отличались высоким Т-коэффициентом, как мы могли увидеть выше.

Данное наблюдение даже несколько озадачивает. Мы привыкли считать Спарту жестко-консервативным, «застывшим» обществом, чуждым прогрессу, а стало быть, в нашем понимании – чуждом историческому процессу, движению времени. Но нет ли здесь некой нашей аберрации, порожденной столь привычным нам линейным восприятием хода времени, отождествлением этого хода с прогрессом? Как известно, античным грекам такое восприятие было чуждо. И создается впечатление, что, по крайней мере, Геродот смотрел на Спарту несколько иначе; для него она в большей степени, чем многие другие греческие полисы, вызывала ассоциации с временной терминологией.

Да и только ли Геродоту это было свойственно? Процитируем одно место из Платона (*Hipp. M.* 285d, перевод А.В. Болдырева). Спартанцы, говорит софист Гиппий Элидский, больше всего любят слушать «о родословной героев и людей,.. о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, – одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом (*πάσης τῆς ἀρχαιολογίας*)⁵³, так что из-за них я и сам вынужден был очень тщательно все это изучить». Итак, спартанцам близки и интересны повествования на исторические темы (а чуть выше сам Гиппий отмечает, что их не привлекают ни астрономия, ни геометрия, ни грамматика...). А последний тезис Гиппия имеет просто-таки исключительное значение. Ведь именно этот софист внес едва ли не самый большой вклад в становление древнегреческой хронологии как научной дисциплины, составив и издав список олимпийцев. Выясняется, что он сделал это если не по прямой инициативе спартанцев, то, во всяком случае, в угоду им!

На этой ноте мы и завершаем эту уже, пожалуй, чрезмерно разросшуюся статью. И пусть заключительный аккорд звучит не точкой, а скорее недоуменным многоточием, – точки расставлять явным образом еще рано, мы в самом начале пути. Как писал еще Шеллинг, «достижения науки – не только в том, что она разрешает трудные вопросы; быть может, еще большая заслуга в том, чтобы создавать и отмечать для будущих исследований новые проблемы или же находить новые стороны в старых вопросах»⁵⁴.

IGOR E. SURIKOV (MOSCOW)

IMAGES OF TIME IN HERODOTUS' HISTORICAL WORK

The article deals with some aspects of time perception in Herodotus' *Histories*. The author considers the problem from a terminological perspective. There are three main Greek words for "time": *kairos*, *chronos* and *aiōn*.

⁵³ Ср. к этому наблюдению современного ученого, что в V в. до н.э. отдаленное прошлое было в памяти людей более живо, чем события относительно недавнего времени: для грека этой эпохи Эдип, Агамемнон или Тесей имели более реальный облик, нежели почти любой исторический деятель предыдущего столетия (*Vandiver E. Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt am Main, 1991*).

⁵⁴ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2-х томах. М., 1989. Т. 2. С. 249.

The first designates a moment in time (“point-time”), the second – a period of time (“line-time”), the third – time at the junction with space and life (“plane-time”). In the article, principal contexts of all three time terms’ use by Herodotus are analyzed. The author also tries to trace frequency of time terminology in different parts of the work. He does it through formalizing statistical data and introducing a special frequency coefficient. The results are that Herodotus’ time terminology is more frequent in “Greek” parts and rarer in “Barbarian” parts, especially in those narrating on remote and periphery barbarians: the nearer to Greece – the more historical time.